

ББК Ю621
УДК 111.33

*Д. И. Клопотюк, В. А. Кленовская
D. Klopotyuk, V. Klenovskaya
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ФЕМИНИЗМА TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN RADICAL FEMINISM

Аннотация: Статья посвящена философскому рассмотрению феномена современного радикального феминизма, имеющего огромное значение и оказывающего влияние на западную культуру и социум. В рамках данного исследования будут проведены параллели между методами представителей радикального феминизма, используемыми в целях достижения социальных и культурных идеологических потребностей, и методами представителей фашизма, имеющих тождественные мотивировки. Авторы приходят к выводу, что черты современного радикального феминизма позволяют говорить о зеркальности и эквивалентности этого идеологического течения с феноменом фашизма.

Ключевые слова: либерализм; радикальный феминизм; насилие; свобода; идеология.

Abstract: The article is devoted to a philosophical consideration of the phenomenon of modern radical feminism, which is of great importance and has an impact on Western culture and society. Within the framework of this study, various methods of radical feminism are used, used in order to achieve the culmination of ideological, as well as the methods of representatives of fascism with identical motives. The authors come to the conclusion that the features of modern radical feminism make it possible to speak about the mirroring and equivalence of this ideological trend with the phenomenon of fascism.

Keywords: liberalism; radical feminism; violence; freedom; ideology.

Возрождение и увеличение значимости либеральных позиций в европейском культурно-политическом пространстве XX века являлось закономерным следствием трагического для всего мира феномена Второй мировой войны. Атлантическая хартия (ключевой документ-программа антигитлеровской коалиции) предопределила ведущую политическую идеологию поствоенного времени и указала на ряд ключевых философских категорий, имеющих антропологическую важность для каждого индивида и обеспечивающих мирное политическое существование в условиях антифашистского будущего. Однако сам феномен фашизма, а также либерализма, имеющего свое материальное воплощение в различных современных практиках, малоизучен в научном дискурсе, что и определяет наш исследовательский интерес.

Достаточно широкий спектр социальных и политических явлений, происходящих в западном обществе на протяжении последних 70 лет и основывающихся на идее создания равенства и искоренении дискриминации по гендерному, расовому или другим признакам, детерминирующих индивида как такового, становится важным фактором в формировании новых интеллектуальных позиций, а также идеологических барьеров. Прибегая к либеральным категориям свободы и равенства, ряд социальных групп отстаивает свои антропологические, или «природные», права на политической, культурной и общественной аренах.

Либерализм в современном мире не поддается однозначной трактовке, однако в общем виде его можно определить как «...идеологию, главной ценностью которой является свобода индивида» [3]. В свою очередь, такая интерпретация либерализма неизбежно влечет за собой необходимость ряда пояснений, касающихся категории свободы, которая не имеет чётких описательных рамок. Такая позиция, при которой индивид по своей природе наделен неограниченным количеством прав, а также способен полнообъемно реализовать весь свой антропологический потенциал, определяет политические интересы, направленные на гарантированное предоставление всевозможных прав и свобод социальной единице. Однако, как показывает исторический процесс, любое государство, которое основывается на либеральных идеях и на основе их выстраивает политику, ограничивается предоставлением этих прав и свобод, не вырабатывая и не систематизируя их. Поскольку индивидуализм не принимает существование всего, что не является субъектом индивидуальности, деструкции поддаются обязанности по отношению к другому. Именно данная неоднозначность порождает спектр социальных идеологических конфликтов, имеющих свое отражение в современном западном обществе.

Тотальная регламентированная свобода неизбежно ведет за собой формирование радикальных социальных явлений и процессов, в основе которых находится желание социальных групп достижения абсолютного равенства и справедливости. Радикальный феминизм, начав свое быстрое развитие в поствоенный период XX века, сменил идеологический вектор интереса, переключившись на борьбу против индивидуально-гендерной дискриминации, что сформировало классовую политику, когда «...организованное насилие одной группы можно преодолеть лишь посредством организованного сопротивления другой» [6], а также метод селекционирования. Кейт Миллет, выдвинув в широкое общественное пространство теорию патриархата, утверждала, что «...сексуальное господство остается, пожалуй, наиболее всепроникающей идеологией нашей культуры и воплощает ее наиболее глубинное и фундаментальное представление о власти» [4].

Вследствие возникновения бинарной оппозиции, выстраивающейся по принципу «субъект угнетения – объект угнетения» и быстро вливающейся в мировоззренческую парадигму всех членов общества, постепенное расширение феминистского культурно-социального инструментария, позволяющего регулировать представления массового сознания о положении и роли мужчин в патриархальной системе, неизбежно повлекло за собой ряд социальных радикальных явлений – выражений идеологического протеста «угнетения». Присущее им насилие,

культурная дискриминация, гендерное угнетение создают феноменологическое поле при академическом изучении феминизма.

На данный момент радикальный феминизм, отстаивая патриархальное угнетение по половому принципу, использует те же методы, которые и критикует в своем дискурсе, с целью достижения привилегированного социального положения.

Именно практические методы борьбы, направленные на феминистический объект критики, такие как: редуцирование значимости образа мужчины в контексте развития исторического процесса; трансформация мужского образа в культуре; обратный сексизм, выраженный в предоставлении большего количества социальных благ женскому полу, нежели мужскому; жесткий принцип селекции и конструирование собственной социальной идентичности, заведомо враждебной к членам других идентичностей, – позволяют говорить об идеологическом родстве черт радикального феминизма и фашизма.

В свою очередь фашизм как культурно важный феномен представляет собой идеологию и практику, утверждающую превосходство и исключительность определённой нации или расы и направленную на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем [5]. Опираясь на политические манифестации представителей фашизма, следует отметить, что данное явление, в силу своей неоднозначности, не имеет рационального идеологического фундамента, поскольку его спектр задач лишь структурирует и организует социальные группы, а не убеждает их. Важной чертой фашистской идеологии, вытекавшей из ее противоречивости и непоследовательности, была особая приверженность к примитивизации, рассчитанной на эффективное воздействие на пассивные, политически неопытные и отсталые слои населения [1].

Фашистская методология политического влияния в радикальной степени начала выражаться в странах Европы в середине 30-х годов прошлого столетия, в частности в Германии и Италии, где политические практики, характеризующиеся применением насилия, влиянием социального институционального давления и жестким классовым делением, выполняли функции удовлетворения государственных интересов.

Сходство феномена фашизма и радикального феминизма в историческом контексте нашего десятилетия выражается в проявлении характерных черт, тождественных для радикально правой политической идеологии и для радикальных либеральных практик, например, феминизма и других освободительных движений, берущих за основу принцип «угнетенности».

Выделение следующих черт идеологии фашизма, указанных в исследованиях А. А. Галкина [1] и У. Эко [7], позволяет говорить о ее «зеркальности», или тождественности, по отношению к радикальному феминизму:

1. Селекционирование.

Представители «угнетаемого» сообщества радикального феминизма вступают в жесткую идеологическую и социальную конфронтацию с представителями других групп, выражающих кардинально противоположные интересы и отражающих другие мировоззренческие представления.

2. Элементы популизма.

Каждой либеральной радикальной практике свойственен популизм, направленный на увеличение своей потенциальной групповой аудитории. Влияние на массовое сознание через СМИ путем использования методов «черной» риторики позволяет радикальному феминизму в последние десятилетия обрести успех в реализации индивидуально-групповых интересов.

3. Экстремизм.

Провокационные беспорядки, а также различные акции, имеющие террористический характер, являются важным и необходимым инструментом акцентирования массового внимания на актуальности поставленных радикальным феминизмом вопросов. В данном случае экстремизм следует рассматривать как идеологию допустимости использования крайних мер (экстремумов социального поведения) для получения желаемого эффекта. Оно шире всех общепринятых определений экстремизма, которые сводятся к политике. Экстремизм не ограничивается политикой и выходит далеко за его рамки, но только в политике он оказывается почему-то важным [2].

4. Традиционализм.

Ограничение любых форм проявления искусства, мнений, которые идеологически не соответствует представлениям радикальных феминисток о существующей действительности, или тотальная абсолютизация индивидуальных вкусов, в настоящее время наиболее ярко отражает противоречивость ряда теоретических положений радикального феминизма. Занимая определенное социально-культурное положение в пространстве политики идентичности, радикальный феминизм претендует на тотальный идеологический примат, критикуя и ограничивая ряд других сообществ и субсообществ, чьи взгляды не вписываются в их мировоззренческую парадигму.

Изменение отношений между полами, трансформация массового понимания социальной роли автономной социальной единицы – фундаментообразующие ключевые черты, характеризующие новую парадигму мировосприятия современного человека. Радикальный феминизм, боровшийся еще около 70 лет назад за достижение гендерного равноправия, в современных условиях представляет собой как социальную, так и в некоторых аспектах политическую практику, целью которой является деструкция любой иерархичности, основанной на доминировании по гендерному принципу. Таким образом, значимость образа мужчины в обществе, СМИ, а также других источниках информации XXI века поддается тотальной редукции и половой дискриминации. Достижение групповых и индивидуальных интересов представителей радикального феминизма осуществляется путем практического применения жесткого идеологического инструментария, например, гендерного угнетения противоположного пола; идеологического селекционирования, определяющего конфронтацию множества социальных

групп; ярко выраженного традиционализма; упрощения культуры за счет продвижения радикальных идеологических взглядов, отрицающих существование нетождественных этим взглядам идей и воззрений, с их последующей социальной монополизацией; использования новояза (вымышленного языка) как способа идентификации социально «своей» единицы. Эти черты, свойственные изменившему свою идеологическую сущность радикальному феминизму, позволяют нам говорить о своеобразном тождестве, «зеркальности» радикальной либеральной практики и фашизма, которая характеризуется большей частью перечисленных методов, помогающих в достижении индивидуальных или классовых интересов. Такое положение социально-культурных дел, вызванных деятельностью радикального феминизма, способно, по нашему мнению, в ближайшие десятилетия привести к разрастанию массовой агрессии и формированию серьезной как политической, так и социальной нестабильности.

Библиографический список

1. Галкин, А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. – Изд 2-е, доп. – М. : Наука, 1989. – 352 с.
2. Гриценко, Г. Д. К вопросу о понимании экстремизма в современной науке / Г. Д. Гриценко, Е. В. Лукьянцев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimanii-ekstremizma-v-sovremennoy-nauke> (дата обращения: 26.04.2021).
3. Макаренко, В. Л. Главные идеологии современности / В. Л. Макаренко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 480 с.
4. Миллет, К. Сексуальная политика (главы из книги) / К. Миллет // Вопросы философии. – 1994. – № 9.
5. Московские новости. – 1995. – № 39. – С. 14.
6. Ушакин, С. А. Политическая теория феминизма / С. А. Ушакин // Вопросы философии. – 2000. – № 11. – С. 27–52.
7. Эко, У. Пять эссе на темы этики / У. Эко. – М. : Симпозиум, 2005. – 160 с.